

Василий Фомин

Легенда о царице

Часть вторая
Земная богиня

Василий Фомин
Легенда о царице. Часть
вторая. Земная богиня

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21576076
ISBN 9785448327650*

Аннотация

Вестник наконец-то встречается с царицей Нейтикерг и пытается изложить ей свой взгляд на события, считая, что теперь их связывают весьма романтические чувства, но забывает, что романтические отношения с царицами гораздо опасней отсутствия отношений.

Содержание

Глава первая. Весьма сумбурная	5
Глава вторая. Бог на ровном месте	23
Глава третья. Мудрости кусочек	51
Глава четвертая. Ночи с богиней	65
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Легенда о царице
Часть вторая.
Земная богиня
Василий Фомин

© Василий Фомин, 2016

ISBN 978-5-4483-2765-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Весьма сумбурная

«Господину моему, Неферхотепу, достойнейшему из благороднейших, припадая к стопам его, падаю семь раз на живот и семь раз на спину, желаю долгих лет жизни в этой жизни и жизни вечной в царстве Осириса (и быстрее бы ты, козел жабоподобный, туда попал), всенижайшее и всеподданнейше доношу, что налог с восточных деревень собран.

Был собран (какая существенная, однако, поправка – подумал читавший).

Был собран скотом, дичью, зерном, овощами-фруктами, рыбой, а также медью и уже направлял я караван ослов к берегу, задержавшись у дома крестьянина Нехри, о лени и хитрости коего уже доносил.

Мягко и кротко увещевал я его о необходимости внести налог зерном и скотом, что же касается синяков на спине, боках, ногах, на заднице и роже, то он получил их вчера во время драки с соседом, что и подтверждают наши стражники и надсмотрщики. Наглец же громко вопил, что семян у него только на посев, быка он одолжил у владельца высоких полей Хнумхотепа, что нет такого закона, платить два налога в год и что ему надо кормить девятерых детей, вот, это уже явная ложь, ибо известно достоверно, что у него только восемь детей, а девятым жена только беременна. Мы же, выводя уже быка его, смиренно объясняли, грубияну, в какой счастли-

вой, избранной богами стране он живет, как вдруг случилось полное и совершенное безобразие.

Явился некто на чудовищном осле, обликом похожим на самого краснолапого Сета, и начал насмехаться надо мной, над стражей, над крестьянами, над властью, да и вообще над всем, не исключая и богов. Его велел я задержать, но почему-то этого не получилось и даже сам не знаю почему. Стражники, изрядно поколотив друг друга, разбежались. Я попытался сам его схватить, однако, тоже безрезультатно. А этот сын шакала, а вернее Сета, в образе означенного ранее осла, разогнал весь скот пинками, затем кидал в крестьян мешки с зерном, швырял, туда же, корзины с овощами-фруктами, крича при этом «Награбленное – грабь!», а также громко славя какую-то богиню порядка по имени Анархия, и утверждая, что она всему живому мать.

Из примет негодяя могу сообщить, что выглядит он, как обычный роме, но только волосом светлей и с седою прядью впереди, а из особых примет, что ездит голый на огромном осле красного цвета.

Еще и еще раз припадаю к стопам вашим, падая семь раз на живот и семь раз на спину».

«Все равно выпорет, сука» – с грустью подумал писавший.

«Все равно выпорю, суку» – подумал читавший.

«Да, господин мой, мешочки-то с медью я обронил во время схватки с негодяем и еще считаю нужным сообщить, что говорил и кричал мерзавец молча». – Тут писавший сам

от удивления выпучил глаза.

«Ну, ... я тебя ... твою ... ать!» – подумал читавший.

«Господину моему, начальнику верфи Перу Нефер, доносит пыль с сандалий его, след на грязи от ноги его, начальник отряда корабельщиков Иннени.

Сегодня днем подъехал к нам на верфь некто на осле, очень стройном и рослым, долго смотрел на нашу работу, сидя боком со свешенной одной ногой и почесывая худое пузо и наконец, спросил – что за гуся длинношеего мы строим. Я строго ответил, что строим мы прекрасную быстроходную (тут проходимец начал хихикать) барку для казначея Бога господина Аханахта, падаю перед ним семь раз лицом в пыль.

Тут неизвестный закончил хихикать и захохотал, будто гиена ночью, а затем просто заржал как ишак, и долго потешался над нашей работой, утверждая, что один парус это мало, а два рулевых весла на корме это много, потом упомянул закон какого-то Архимеда и приплел какую-то Силу Равнодействующую. Я же достойно ответил, что мы живем не по законам какого-то убогого проходимца Архимеда, а по законам господина Аханахта, падаю семь раз в пыль. Негодяй, же сплюнул слюной, а его осел, фыркнул, и сказал, что господину Аханахту и прочим живоглотам скоро придет карачун. К чему он, кстати, с удовольствием приложит руку.

Таких речей я более терпеть не мог и приказал рабо-

чим схватить смутьяна, но рабочие хмуρο переглядывались и не двинулись с места, тогда я сам кинулся на негодея, вооружившись теслом, и уже почти задержал его, но осел подло толкнул меня своей ослиной задницей (чтоб не сказать, что жопой), и я упал с причала прямо в священные воды отца нашего Хапи. Когда же выбрался обратно, его, мерзавца, и след простыл, а вот глаза рабочих, мне, ой, как не понравились.

Господин мой, падаю лицом в грязь перед вашими ногами, я вот тут подумал, – и правда, а на хера мы ставим два рулевых весла и всего один лишь и весьма примитивный парус? Может сделать все наоборт? Парус вытянуть по выше, весло выточить по-больше? Ась?».

«Князю первого сепы Нижней Земли, смотрителю ее житницы, достойнейшему Уаджару, доносят его глаза и уши, падая в пыль своим недостойным ликом.

Достигла ушей моих, весть достойная твоего, господин, внимания.

В воровских кварталах Прекрасной Твердыни тайно продаются планы гробниц и горизонтов священного поля Сокара.

Доношу, так же, что общее настроение населения ниже, чем обычно, и повторный сбор налога его совсем не улучшил. Однако волнений пока не заметно».

«От господина Уаджара, его ушам, его глазам и достойнейшему куску ослиного навоза.

Мерзавец. Подлец и дармоед. Что ты, испорченный мартышкой воздух, мне доносишь? Это ты услышал своими длинными ушами. Где же мои глаза? Кто продает? Где продает? Именно какие планы? Кто покупает? И за сколько?

Теперь о более приятном. Это мое послание тебе передал мой вестник и если ты к нему внимательно присмотришься, то заметишь у него в руках здоровую можжевелевую дубину (а она, дубина из можжевельника никогда не переломится, только измочалиться), и он сейчас ею выпишет тебе двадцать горячих, которые тебе прибавят ума и сообразительности и донесения твои станут такими же четкими и быстрыми, как вот этот удар палкой по твоей ленивой заднице.

А теперь, когда сидеть тебе уже будет не с руки, шевели по-больше задницей, а также и умом, а точнее сказать умишком».

«Казначею бога, хранителю печати Верхней Земли, господину Аханахту, от господина Уаджара.

Любезный и достойный! Какие-то ушлые мерзавцы проворачивают интересные дела на священных полях Сокара. Вас это, ни на какие мысли не наводит?»

«Наводит, но только на очень нехорошие. Выясните-ка конкретней, кто это там такой шустрый»

«А вот я сам бы, о священные гамадрилы, и не догадался бы!»

«Господину Уаджару, его глаза и уши.

Господин мой, расстилаюсь перед вами в пыли и грязи, почесывая, благословенную вами, спину и прочие места своего организма, я предпринимал необходимые усилия и ранее, но много выяснить не удалось, предпринял сейчас еще большие усилия, но опять-таки узнал не много.

Продает планы подземелий какая-то девка! По одним данным чистокровная роме, высокого роста, по другим черно-мазая лет двенадцати, по другим какая-то кушитская дылда с косичками. По их утверждениям, они танцовщицы из храма Хнума, либо Птаха, либо Исиды, либо Хатхор, либо кого еще другого и все напропалую круглые сиротки и с душещипательной историей своего падения на дно общества. Слезу вышибает подобная несправедливость мира! Рыдать охота!

Короче, все это, конечно же, вранье, но достойно упоминания то, что пущенные по следу люди пропали бесследно. А это были очень знающие свое дело люди, и что с ними случилось, я не знаю. Что касается планов гробниц и подземелий, то они по всей вероятности весьма достоверны. Прошу дозволения затратить некоторые средства на покупку.

Вновь падаю ниц перед вашими ногами!»

«От господина Уаджара его глазам и ушам.

Используй все средства, сын чесоточной гиены, и обрати внимание на того амбала с рожею дебила, что стоит с палкой (можжевеловой) над твоей душой.

Обратил внимание? Ну, так вот, сегодня я тобой доволен и ты, взбучку, пока что не получишь. Более того, можешь считать, что предыдущей не было и вовсе. Я за нее тебя простил, пусть она будет авансом за твои последующие идиотства.

Действуй, действуй, сын навоза твоего осла».

«Настоятелю храма Тота, святейшему Менкаугору, от верховного жреца Птаха, великого пятерика.

Святейший, в Прекрасной Твердыне распространяются слухи о летающей по ночам священной птице Бенну. Якобы парит она ночью над городами. В чем вас и уведомляю и хотел бы знать: есть ли у вас нечто подобное, ибо событие сие предвещает многое, так как известно, что сия птица прилетает в Черную Землю раз в тысячу четыреста шестьдесят лет и предвещает перемены.

С величайшим почтением и искренним уважением, ваш великий пятерик».

«От настоятеля храма Тота, Менкаугора, великому пятерику.

Святейший, храни вас боги, вышеозначенная птица Бен-

ну, возрождающаяся раз в тысячу четыреста шестьдесят лет, не только замечена и у нас в городе Столбов, но она, эта священная птица, еще и садилась на стену нашего храма и кое-что сказала голосом человека».

«Великий пятерик, Менкаугору.

Отче, поведайте же – что за тысячелетнюю мудрость изрекла священная птица».

«Великий пятерик, то, что поведала священная птица Бенну, я лично, не решусь писать нашим священным письмом. Есть охота – приезжайте и послушайте сами.

С уважением, Менкаугор.»

«Великий пятерик, настоятелю храма Тота.

Святейший, присутствующий здесь великий видением, высказывает предположение, что священная птица была расстроена тем, что не смогла найти места для гнездовья в окрестностях вашего храма. И потому, возможно, в словах ее проскользнуло некоторое раздражение.

Советую заняться вам этой проблемой».

«Настоятель храма Тота, великому мастеру и великому видением.

Святые отцы, о каком гнездованье идет речь? Известно же, что священной птице для удачного гнездовья необхо-

дим костер, в котором она должна сгореть и вновь из пепла возродиться».

«Святому Менкаутору.

Ваше святейшество, вы не одаривали бы нас убогих, перлами своих откровений, а предприняли бы необходимые шаги. Если гнездо поджечь, то вот вам будет и костер. Вы разве не понимаете, что будет, если птица Бенну выберет ваш храм для возрождения. Или что будет, если она его не выберет? Или предпочитаете подождать следующего ее прилета, тем более что ждать совсем недолго – каких-то тысячу всего-то с небольшим хвостом лет. Или считаете, что пусть лучше она устроит гнездо где-нибудь в полях или болотах, чтобы все простолюдины видели, что священная птица проигнорировала посвященные ей храмы и предпочла обществу святых отцов общество цапель, аистов, пеликанов и прочих марабу и разнообразных куликов?

В общем, к вам, следом за этим посланием, выезжает с разъяснениями великий видением, верховный жрец храма Ра и, если вы выгляните в окошко, то возможно уже увидите его, плывущую по священным водам Хапи, барку».

«Начальнику полиции Прекрасной Твердыни.

Падая на землю и гораздо ниже, перед моим господином докладываю:

Сегодня, в аккурат после полудня, на набережную Пе-

ру-Нефер, прямо из священных вод Хапи, вылезла некая сволочь, в сопровождении громадного и очень стройного животного, видом похожего на осла желто-красного цвета, и громко крикнула, эта сволочь:

– Приветствую вас братья египтяне, нас ждут великие дела!

Затем воздевши руки вверх, с чувством произнесла, гадюка песчаная и рогатая, слова такие:

– Счастливы глаза, мои созерцающие великий город, блаженны ноги мои, ступившие на священную землю!» и наступила, ну, сволочь, что еще сказать, одной ногой (левой, кажется) в коровью лепешку.

Событие сие, конечно бы, не государственного масштаба, но примечателен тот факт, что субъект (она же сволочь), все это прокричал, молча, в том смысле, что, не раскрывая рта. Но его слышали все прекрасно. Да, еще хочу сказать, что сволочь была мужского рода. Так что, господин мой, вы уж роды и падежи расставьте сами, а то я несколько в грамматике теряюсь.

А вскоре получил я сообщение с восточного берега, где был отловлен главный староста, в состоянии некоторой прострации, бегавший по полям голым и при всем честном народе, что совсем не повышает уважения к верховной власти. Приведенный в себя, а также и в кутузку, и получивший пару оплеух по своей старостиной морде, староста на допросе показал, именно то, что на него напал и донага раздел дух

тростника, и разговаривал сей дух, тоже молча.

Понимаете, мой господин, – молча!

Сопоставив два эти факта, я понял, что имеет место быть некое странное явление. Мне кажется, господин мой, что будет продолженье этого загадочного явления».

Между прочим, ирония, возникшая у некоторых лиц, при сообщении, о явлении в небе Черной Земли священной птицы, вещающей голосом человеческим, совершенна неуместна. Что же касается злобного недоверия, то оно вообще недопустимо, ибо в данном случае, и, в данном месте, это есть факт имеющий место. И это вне всяких сомнений.

А все сомневающиеся, сейчас в этом убедятся.

Все дело в том, что сию птицу видела сама царица Черной Земли Нейтикерт и ее величество, даже соблаговолили разговаривать с чудесной посланницей богов.

Я думаю, факт лицезрения священной супругой, священной птицы, вне всех сомнений.

Все выглядело приблизительно вот так:

В первой половине ночи ее величество изволили гулять по галерее, на втором ярусе дворца царя скорпионов, любясь ночным звездным небом и слушая загадочные звуки ночи.

Громадные пятисотлетние кедры, росшие перед самым дворцом, высотой спорили с самым древним сооружением.

Собственно, ливанские кедры, привезенные в Египет, еще

правителем Сахура, росли в самом дворце, ибо в дворцовый ансамбль входили пышные, и несколько запущенные сады, многочисленные беседки, павильоны и бассейны, а центральную часть занимала древняя крепость, построенная еще великим Нармером, и в связи с потерей своего первоначального предназначения, используемая, как многоярусный дворец, с огромным тронным залом, часовнями и многочисленными помещениями, чем-то напоминающим ступенчатую пирамиду Джосера, в то самое время известного совсем не как Джосер, а как Нетджеритхет. На всех ярусах дворца росли многочисленные растения, начиная от самых мелких, типа крокусов и заканчивая олеандрами, миртами и финиковыми пальмами. То есть древняя крепость была окружена растениями и сама поросла ими, напоминая зеленый холм.

Молодая царица сняла, вечером, классический калазирикс и разгуливала, наслаждаясь, если не прохладой, так отсутствием жары, в тонкой белой юбке, совершенно не скрывающей те формы, что находились внутри. И уж тем более не скрывала то что находилось снаружи. Грудь её закрывал только перисталь, с большим скарабеем, раскинувшим небесно-синие крылья от плеча до плеча. Ну, он, собственно, ничегошеньки не закрывал, ибо прозрачная юбка заканчивалась на бедрах, и далее стройную, но рослую, фигуру царицы ничего, кроме того самого перисталя, не скрывало.

Надо вам сказать, что в то время, женщины вообще ни-

чего-то особенно и не скрывали. Ну, обычай у них был такой – если есть что показать, – надо показывать, а не прятать в тряпках. Голову царицы венчал золотой обруч, с коброй, приготовившейся к атаке, и с гирляндами тонких золотых лепестков, два коротких, из которых свисали надо лбом и носом, и по два длинных, с обеих сторон ниспадали до бедер, сверкая при каждом повороте царственной головки. Золотые лепестки прекрасно оттеняли темные глаза царицы, выглядывающие, словно из-за занавески.

Царица, не спеша прохаживалась, шелестя золотыми лепестками, иногда опираясь на балюстраду, разглядывала звезды, видимо изучая движение небесной сферы, как вдруг... ух ты!... как вдруг... ой, мамочки!... заметила, там, в высоте, парящее среди звезд существо, доселе ей... да и никем невиданное.

Существо имело весьма внушительных размеров крылья и величественно летало над Инебу Хедж кругами и восьмерками. Затем оно снизилось, пролетело прямо над плоскими и широкими вершинами кедров, и царица увидела, что существо даже больше, чем казалось издали, и имеет в размахе крыльев локтей десять-двенадцать, чему царица сильно удивилась и даже взяла, от удивления, средний палец в рот.

А существо тем временем, сделало широкую петлю и устремилось прямо к царице, которая смотрела на него расширившимися глазами, по-прежнему не вынимая палец изо рта. Существо поставило крылья углом и село на верши-

ну кедра перед царицей.

Рот царицы раскрылся и округлился, и она вытащила средний палец изо рта и даже спрятала руки за спину. Некоторое время они, молча, созерцали друг друга.

– Здравствуй, первая царица, мира! – торжественно произнесло загадочное существо.

– Здравствуй, чудесная птица. – вежливо ответила царица, после некоторого молчания.

Она нащупала сзади кресло, пододвинула поближе и села, не отрывая взгляда от небесной посланницы, и весьма картинно выпрямилась, выставив вперед грудь, соединив вместе колени и ступни, положив ладони на колени, то есть, приняв торжественную тронную позу. Лазуритовый скарабей, у нее на груди, взмахнул крыльями, словно собираясь взлететь с перистая, но передумал и тоже замер.

– Кто ты, небесная, и весьма и весьма престранная птица? – спросила царица, по-прежнему очень вежливо.

– Я птица Феникс.

– Феникс? – царица выпрямилась еще больше, и от недоумения, между ее губ высунулся кончик язычка. – Такая птица мне почему-то не известна. А я изучала все древние книги и сказанья.

– Оу! Так меня зовут на небе. На вашей земле меня называют Бенну.

– Ах, Бенну! – царица покивала головой и медленно откинулась на спинку кресла и свободно положила руки на под-

локотники. – Священная, божественная птица, Бенну. А мы тебя ждали.

– Я прилетаю раз в полторы тысячи лет, на вашу землю, чтобы умереть и вновь возродиться.

– А я знаю. – царица закинула ногу за ногу и склонила голову набок, как удивленная собака.

– И вот я здесь! – торжественно произнесла птица.

– Я это вижу. – царица обхватила колено ладонями, с пальцами увенчанными блескучими перстнями с самоцветами, и покачала голенью.

Некоторое время они помолчали, видимо посчитав, что инициативу теперь должен проявить собеседник.

– И – и – и... и что же могу я, царица Двух Земель, сделать для священной птицы? – поинтересовалась царица.

– Мне, лично, ничего не надо, ведь я живу на небесах, среди богов. Что же еще могу я пожелать? Только вернуться вновь на небо.

– Да! – согласилась царица, кивнув головой. – Это звучит разумно. А что же привело тебя, о небожительная птица, – спросила царица, склонив голову к плечу, – к моему дворцу?

– Воля богов и я должна передать ее тебе.

– О! Оу! Да, неужели! Я внемлю этой воле. – царица Нейтикерт вся подалась вперед.

– Царица Нейтикерт. – голос священной птицы зазвучал еще торжественней. – Боги повелевают тебе, править своим народом долгие годы мудро и справедливо.

Царица согласно кивнула, шелестнув золотыми лепестками и поднялась с кресла.

– Сейчас. – сказала она, подняв два указательных пальца, в сторону священной птицы и глянув на нее серьезными и темными глазами. – Подожди, не улетай, о, птица Феникс и она же Бенну.

Царица скрылась в дверном проёме, удалившись в таинственные дворцовые недра. Некоторое время в узких оконных проемах виднелась ее тень, разгуливающая по стенам, и вскоре она вернулась, держа в руках лук и стрелы. Привычно расставив ноги, она наложила стрелу на тетиву.

– А что это ты делаешь, царица. – несколько обеспокоилась птица Бенну.

– Да так. Ничего.

– Как это – ну, так! Ну, ничего себе, ничего – ты в меня целишься из лука!

– Божественной сущности твоей это ничуть не повредит, а мне будет приятно. – царица прицелилась.

– Постой! Не делай этого! Не нравится мне это твое самое ничего! Нельзя стрелять в священное животное! Нельзя!

– Конечно же, нельзя. – покладисто согласилась царица, покивав головой, и спустила тетиву.

Стрела весело порскнула к священной птице, у которой неожиданно, ну прямо чудесным образом, появились руки, которые и схватили стрелу прямо перед самой грудью.

– Ух, ты! – сама удивилась птица. – Ну, ты убедилась в мо-

ей сущности, царица?

Царица хмыкнула и достала из-за плеча вторую стрелу.

– Царица, – возмутилась птица, – Сколько можно! Ты же сама сказала, что нельзя стрелять в священных тварей.

– Нельзя. – подтвердила царица.

– Никому нельзя. – добавила она тут же, осматривая наконечник и трогая пальчиком острие. – А вот мне можно.

– Я сама священная. – царица, сдвинув почти сросшиеся брови, деловито наложила стрелу на тетиву. – Клейма поставить негде, такая я священная!

– Вся насквозь священная, богиня, от макушки, – до кончиков ногтей. Вот!

В доказательство царица даже вытянула вперед носок ноги, продемонстрировав свои длинные пальцы, с покрытыми черным лаком ногтями. Впрочем, вряд ли Фенникс-Бенну мог разглядеть такие детали со своего кедра.

– Ничего, меня священной, в этом мире нет. – царица, презрительно скривив губы, подняла лук.

– Хулиганка! – возмущенно выкрикнула птица, и пошла по мощной кедровой ветке, перебирая лапками и неуклюже покачивая громадными крыльями.

Затем, поймав порыв ветра, она прыгнула вперед, воздушный поток подхватил ее, чуть было не уронил вначале, и понес прочь от дворца.

Царица некоторое время, с кривой ухмылкой, выцеливала ее в спину, потом передумала и опустила лук. Затем фыркну-

ла и, мелодично шелестя золотыми лепестками своей короны, и сверкая юбкой, и тряся тугой грудью, убежала во дворец.

Как древняя и юная богиня.

Ну, собственно, она ею и была на самом деле.

Глава вторая. Бог на ровном месте

Проводив диск Атума в поля Камыша возродиться на завтра в образе Гора и завершив тем самым, благополучно для своей страны, еще один день, царица Нейтикерт не спешила подняться во дворец, а осталась посидеть в саду, в удобном кресле черного дерева, глядя на плавающих в бассейне рыбок и бутоны синих лотосов и белых нимфей ускользящих в глубину, а не на золотые и гранитные изваяния грозных и великих богов, требовавших ежедневных многочасовых молений и подношений.

Царица потянулась, сцепив руки на затылке, и легкомысленно вытянув ногу, пощекотала животик кувыркавшегося тут же пятнистого мау. Тот без всякого почтения вцепился в царственные пальцы, не подозревая, какой внеземной благодати он удостоился, после чего был, слегка подкинут царицой ножкой в воздух и атакован вторым мау. Они подняли дикую кутерьму разбудившую фараонову крысу. Фараонова крыса, свернувшаяся клубком на коленях царицы, недовольно чирикнула и глубже засунула нос в пушистый, совсем не крысиный, хвост, поскольку крысой она и не была, по сути, ни единого мгновения, а была она совершенно другим животным. Мартышка, сидевшая на спинке кресла над левым плечом Нейтикерт, с интересом смотрела на кошачью возню и скалила зубы ну совершенно не мартышечьи зубы.

За бассейном, в кустах гибискусов и жасмина, угадывалась какая-то легкая возня и шебуршание. Черный, как наступающая ночь кушит зажег светильники и, повинувшись взмаху ладони, попятился задом в глубину сада. Туда же отправились оба веероносца, прижав ладони к плечам.

Нейтикерт взяла с небольшого столика с ножками газели и такого же изящного как газель, сочный инжир. Плод смоковницы, однако, чем-то не понравился царице, поскольку, подбросив его несколько раз на ладони, она кинула инжир в кусты. А может просто не была голодна, а может и пресытилась царским столом. Впрочем, она тут же взяла гранат и, взвесив в руке, швырнула его в том же направлении, но на сей раз с некоторым раздражением.

– Ну. – с каким-то ожиданием сказала царица склонив голову набок.

Однако ничего не произошло, и царица взяла со стола алебастровую чашу, покрутила на свету факела, любуясь ее мягкой полупрозрачностью, поставила обратно и взяла увесистый золотой кубок.

– Что-то давно тебя не было. – обратилась царица опять-таки непонятно к кому, впрочем, догадаться уже можно.

Шевеление в кустах на несколько мгновений прикинулось мертвой тишиной.

– Сам выйдешь или послать за тобой людоедов?

Кубок, сверкнув боками в свете факелов, вонзился в кусты, сбивая листву. Через мгновение, будто только тако-

го приглашения и ждал, из кустов вылез мрачный вестник с кубком в руках. Что-то пробормотав, он попрыгал на одной ноге, вытаскивая колючку из подошвы, и остановился на краю бассейна, настороженно поглядывая на царицу. Та, высунув язык и оттопырив нижнюю губу, молча, поманила его пальцем. Вестник несколько неохотно сделал пару шагов.

– О, она позвала меня, пыль земли под ее ногами, дочь Ра меня призва...

– И сын Ра. – подсказала царица.

– О да, конечно, она, сын Ра, поманила меня пальцем, жизнь, здоровье и сила! Здравствуй прекрасная царица.

– Здравствуй, мерзавец. – спокойно сказала Нейтикерт загадочно мерцая глазами. – Почему ближе не подходишь?

– Царица что-то говорила насчет убить, зарезать и даже раздавить.

– А... да, говорила... ну это все после. Впрочем, если настаиваешь... – юная дева сладко потянулась.

– Да нет, не очень. Пока что потерплю.

Нейтикерт указала двумя пальцами перед собой.

– Не бойся, не кусаюсь. – доверительно сообщила царственная дева.

Вестник хмыкнул, вспомнив едва не откушенный при первой встрече нос. Видимо сегодня у царицы было некусючее настроение. Он внимательно посмотрел на легендарную историческую личность, пользуясь первым случаем взглянуть на нее без спешки, в домашней обстановке.

Перед ним сидела вроде бы обычная молодая девушка, отличающаяся от прочих, может только необычайно пышными и длинными волосами. На царское происхождение указывал лишь обруч с коброй венчавший голову и по две золотые пластины свисавшие с боков обруча, слева и справа, длинную в локоть и тонкие как фольга. И сидела-то вроде бы расслабленно, по-домашнему сидела, но все равно как-то излишне прямо. Говорила она, на сей раз, мягким певучим голосом, но в небольшом количестве слов, ей произнесенных, уже успели уместиться и какие-то непонятные людоеды и весьма понятное «убить», что ясно показывало, что перед вестником сидит в кресле не обычная скучающая вечером девушка, а существо имеющее власть над жизнью и смертью. И применяющая эту власть, по своему желанию, и без особых раздумий.

– Привет тебе, прекрасная царица.

– Очень тронута, спаси-и-ибо! – протянула Нейтикерт, весело глядя на ночного гостя, и вкрадчиво добавила, – А как насчет того чтобы, мне прекрасной и так же божественной, взять да и царские почести воздать?

– Это как же? – вымолвил бродяга. – Упасть семь раз на живот и семь раз на спину? Видите ли, если я буду оказывать Вам подобные почести, то на четырнадцатом такте я окажусь перед Вами лежащим брюхом кверху, и никакой почести в этом не будет вообще, не говоря уж о царской.

Нейтакерт некоторое время смотрела на оборванца и гла-

за ее странно мерцали в свете нефтяных факелов. Очевидно, царица что-то решала. Возможно – не отправиться ли ей почитать, придавив мимоходом ночного гостя.

– Удивительно, как такой глупый язык все еще не покинул такого бестолкового рта, и как такая безмозглая голова все еще не рассталась с телом? Ну-ка открой-ка мне эту тайну. Или без пытки тут не обойдешься? – царственная египетская девчонка слегка прищурила глаза.

– Ваше Величество, даже бестолковый рот надо кормить, а мой глупый язык сможет отличить воду от пива, а пиво от вина и отдаст предпочтение последнему. Мне бы чего-нибудь съедобного покушать и я все тайны вам открою, не только свои, но и все тайны мира.

Царица опять уставилась на ночного гостя своими странно поблескивающими глазами, опять что-то решая. Это было очень таинственно и страшно – что же решит малообразованная, нецивилизованная, но царственная дева.

– Я не понимаю – это ты о чем?

– О чем, о чем! Кушать хочется! – вестник укоризненно посмотрел на царицу.

Царица приподняла сросшиеся брови, затем, криво улыбнувшись, и, видимо, что-то решив, хмыкнула, и сказала, даже с некоторым с уважением:

– А ты и впрямь, неплохо обучился этикету. Ну, да ладно, обидно будет, если вдруг умрешь внезапно от недостатка пищи, хорошо, так уж и быть, не дам тебе от голода зачах-

нуть, но тебе на время надобно слегка исчезнуть, чтобы ни одна душа живая не увидела здесь тебя. Сам понимаешь – у юной непорочной девы, нарисовался вдруг, неопознанный мужчина. Да еще ночью, да еще какой-то оборванец. Я девушка очень строгих правил, ну, по крайней мере, внешне их весьма строго соблюдаю и если уж на ум пришло, что-нибудь такое отчебучить, то делаю все в очень строгой тайне. А то, знаешь ли, народ нас не поймет – тебя приبلудного бродягу и меня бессмертную богиню.

– Ну, с этим-то никаких проблем, как скажете, моя царица, так все и будет, – произнес странник и свалился в бассейн с такой скоростью, что Нейтикерт не успела предупредить о наличии там не совсем безобидных обитателей, и что в связи с этим могут быть те еще проблемы. Но решив, что если уж странник до сих пор еще жив, то и сейчас как-нибудь, да все обойдется. Ну, а если нет, то... то и вопроса нет.

Через некоторое время столик перед царицей был уставлен яствами и увенчан хрустальным кувшином вина в сопровождении алебастрового кубка, опалесцирующего в полумраке отблеска отдаленных факелов.

Гость, однако, не показывался, и царица уже привстала с кресла, собираясь пошарить в воде древком опахала, обезьянка тоже забеспокоилась, привстав и зачирикав, но тут раздвинув листья кувшинок, медленно и тихо всплыл странник дальних времен, огляделся и вылез, какой-то такой задумчивый и слегка рассеянный и пробормотал:

– Это какой же умник и какой же полудурок, догадался в бассейн электрических сомов напустить, да еще в таком количестве, я их ему бы в самую зад...

– Я этот умник, я. – ответила царица, обладавшая видимо отличным слухом, и с интересом смотревшая на ночного гостя – Так что не стоит торопиться с пояснением – куда бы ты их и кому засунул. И это не последние сюрпризы в моем пруду, ты можешь познакомиться попозже и с другими, особенно при таком-то обращении с царицей и столь тонким знанием придворных этикетов.

– О! В таком случае я считаю, что идея очень весьма остроумна. – восхищенно признал вестник.

– Ну, так садись и угощайся. – гостеприимно предложила хозяйка.

Но, поскольку, единственное кресло занимало ее царственное тело, гость, без церемоний, уселся на песок и, следуя щедрому взмаху ладоней, схватил жареную перепелку, пробормотав:

– С Вашего позволения.

– Так кто же ты? – спросила хозяйка, через некоторое время, рассматривая жующего гостя с почти научным интересом. – Ты хотел мне что-то объяснить?

– Что ж, царица пора и в самом деле церемонии отбросить и сказать кто я есть такой. – вытирая сальные губы тыльной стороной ладони, не вполне внятно произнес гость. – Мне царица, в этом мире открыто многое, ну да почти что все,

а прошлое и будущее в числе прочего того. Более того, мир твой существует, лишь пока в нем я присутствую и в связи с этим, скажу без церемоний, что я, здесь для вас для всех, вроде как, почти что бог. Да, что почти! – так оно и есть. Что вы на это скажите жизнь, здоровье и сила вам прекрасная... нет прекраснейшая из цариц и совершеннейшая из женщин?

В тот момент, когда ночной гость произнес слово «бог», царица откинулась на спинку кресла и несколько вытаращила глаза, видимо, совсем не ожидая подобной откровенности, затем очень внимательно, посмотрела на синяк под правым глазом, красивый засос или укус на шее, мокрые волосы, рваный схенти претендента на бога, и поджала губы. Затем закусила их зубами, затем, напротив – их надула, затем сделала движение горлом, будто попыталась что-то проглотить.

Бог (почти?) с удивлением смотрел на царицу – создавалось впечатление, что она с трудом сдерживает тошноту и ее сейчас вот-вот вырвет. Царица, сдерживаясь из последних сил как-то странно хоркнула, потом фыркнула и, наконец, резко наклонившись вперед, захохотала. Обезьянка тут же, взвизгнув, соскочила с кресла, а ихневмон недовольно поднял голову. Вестник, который в этот момент пытался отпить вина из кувшина, от неожиданности булькнул и закашлялся, что еще больше развеселило царицу.

– Скажи-ка, бог! Ой, не могу! А я чуть было не приняла тебя за оборванца! – хохотала Нейтикерт. – Так какой же из богов? Может Ра – отец мой? Иль может быть Осирис?

А синяк, синяк откуда о, Осирис? Не очень-то, видать, ты ладишь со своей Исидой. Нет, ну что же ты так похож на проходимца, бог, ведающий буквально все, а в том числе и остальное!

Смеющаяся царица удивительно похорошела. Нет, не стала красивей, просто прекрасное и совершенное каменное изваяние вдруг превратилось в очень живую хохочущую девчонку, хватаящуюся за щеки, прикрывающую ладошкой рот, откидывающую назад голову и машущую на ночного гостя руками.

Отсмеявшись, царица переколола ослабший в волосах огромный белый гребень из слоновой кости, отведя волосы за уши и продемонстрировав изрядно порозовевшие щечки, вытерла глаза, пригубила кубок, взглянула весело на божественного гостя, и спросила:

– Так значит бог?

– Получается что так. – не стал скромничать пришелец.

– И мир, что есть вокруг, от тебя неотделим?

– Ну, разумеется. Меня не будет и он исчезнет.

– И я всего лишь твое воображенье?

– Не совсем так, но очень похоже.

Царица взяла со стола медный систр и встряхнула его, по саду разлился чистый хрустальный звон, и в глубине сада зажглись два красных огонька и поплыли меж темных стволов деревьев. Неторопливой трусцой на свет вышел леопард. За ним – второй. Оба мау, все еще резвившиеся на пес-

ке, зашипели и кинулись к ближайшей пальме. Хищники легли по обе стороны от царицы и недружелюбно уставились на странника светящимися, слегка подергивая хвостами. Чуть погодя, будто этого было недостаточно, оттуда же, из темноты, выдвинулся черногривый лев, потянулся, открыв здоровенную пасть, зевнул с рычащим подвывом и завалился на бок, затем перевернулся на спину и начал ерзать по песку спиной.

– А теперь, повелитель синяков, бог ссадин и царапин, мы продолжим наш разговор о твоей сущности божественной. Меня эта тема весьма интересуется, почти с самого рождения.

– Ну, а для чего все эти хищники, царица?

– А я ж, откуда знаю? Спроси-ка это у своего воображенья. Ведь этого всего, как я понимаю, нет. Чего же ты этак изволновался?

Нейтикерт издала еле слышное шипение, и леопарды поползли к вестнику, ощетинив усы и пристально глядя светящимися глазами, а лев перестал валяться и принял позу сфинкса и посмотрел на вестника, словно только что увидел.

– Согласись, неожиданный мой бог, что несколько странное у тебя воображенье.

Леопарды подползли к сидящему вестнику вплотную и громко зашипели, колотя по земле длинными хвостами.

– Вот ты и на самом деле близок к тому, чтобы стать богом. Догадываешься каким? И догадываешься в чем?

Вестник кивнул, с восхищением глядя на царицу.

– Правильно. На Осириса, но в том лишь только, что раздерут тебя на множество кусков. Только вот обратно все это добро твое собрать никто не сможет. Ведь нет у тебя, пока что, возлюбленной Исиды.

– Царица, у меня просто нет слов, что б выразить восхищение твоим умом. Это действительно самый удачный способ доказательства реальности событий. Но я имел ввиду совсем не это. Просто не очень ясно объяснил и объясню сейчас яснее. Только давай все же уберем животных куда-нибудь подальше.

Нейтикерт, мелодично звеня золотыми пластинами, показала головой.

– Пусть остаются.

– Зачем?

– Ну-у, ... ну, так, вообще, и для солидности, и общего оживления сюжета.

– Как будет угодно Вашему Величеству, но хочу Вам доложить, что я как-то недолюбливаю львов – у них такие большие-большие, желтые-желтые и совершенно пустые глаза. – сказал странник, неодобрительно поглядывая на льва, скучающе разглядывавшего вестника.

– Но все, же одно достоинство у них есть – они мне повинуются беспрекословно.

– О! Это, скорее, достоинство Вашего Величества, и я с восхищением отмечаю, что Вам повинуются не только люди, но и звери. – наконец-то удалось вставить хоть один ком-

плимент страннику.

Однако неприкрытая лесть не произвела видимого эффекта на царицу, по крайней мере, она не стала, мурлыкая, тереться о его ногу. Лицо Нейтикерт оставалось непроницаемым и вновь перед странником оказалось бесстрастное каменное изваяние.

– Ну, так слушай мои слова пришелец. Да, именно пришелец, ибо не могу назвать тебя даже чужеземцем. И слушай очень внимательно. А потом хорошо подумай, прежде, чем ответить. Потому что от твоего ответа кое-что зависит, и ты догадываешься что. И это «что» намного более важно для тебя, чем для меня. Для меня оно вообще никакого значения не имеет. Для меня это имеет такое вот значение. – юная дева отщипнула крупную, светящуюся виноградину, отправила в рот и облизнула губы. – Ты хоть это понял?

Тут странник на время прекратил поедать голубя, глаза его слегка округлились.

– О, да! Царица, я это понял.

– Что ты, якобы, понял?

– Я, якобы, понял, что моя жизнь для тебя менее важна, чем для меня и...

– И?

– И ты хочешь, чтобы я это все понял, так же как и ты.

– Более всего, сейчас хочу я, тебя, наглуую мартышку, как-нибудь убить и как можно по-больнее. И так, всего быстрее, я и поступлю, лишь за одно твое хамское заявление о сущно-

сти божественной своей. Здесь бог один и он сейчас перед тобой, а все остальные боги находятся в Дуате, – вот тебя туда я и отправлю. – царица показала остренькие зубки с четырьмя выдающимися клыками. – Им там будешь объяснять, где ты там сам у себя нашел божественную сущность. Но! Но ты и не просто человек, в смысле – не простой. С первых твоих слов, еще при первой встрече, было ясно, что ты не роме, хотя языком нашим владеешь ты изрядно. Ни один житель Черной Земли не будет себя так вести, в особенно-то перед Великим Храмом. А ты, мало того, что второй раз влезаешь в мой дворец, так нагло требуешь еще и угощения. (И выпить тебе подавай и пожрать тебе, от пуза, охота!). Да и не похож ты на роме, но это ладно. Самое интересное, что ты и не кушит, и не хериуша, и не маджай, и не техенну и не шасу. Ты ни из одного из племен, подвластных Черной Земле, и ни из кого, нами еще не согнутых и ни из какой-либо хрени во-круг, либо в отдаленье. Такое создается у меня лично впечатление, что ты вообще ниоткуда, ибо подобных тебе я не видела и сомневаюсь, что в земных пределах живут подобные тебе. Итак, спрашиваю тебя второй раз – кто ты, откуда, зачем пришел в мою страну, зачем пришел в мой город и что ты делаешь в моем дворце?

Слушая эту речь, вестник не только оторвался от ужина, но и слегка приоткрыл рот и теперь его глаза округлились от удивленья.

– Царица, нельзя не отметить, что ваша красота равняет-

ся уму и очень трудно определить, что превосходит что. Ну, а то, о чем ты меня спрашиваешь сейчас, я спрашиваю себя каждый день. Мне это так же непонятно, как и Вам, но Вы можете спросить у меня, а мне спросить не у кого.

– То есть... – царица многозначительно приподняла бровь.

– Ты права, великая царица, – о своем прошлом я ничего не знаю.

– Но откуда-то же ты пришел. Как попал в нашу страну – это ты же должен помнить?

– Ну, просто я шел, шел, шел и вдруг смотрю – река, поля, страна...

– Но ты же что-то ищешь? – голос Нейтикерт несколько заледенел, молодая девушка, только недавно весело смеявшаяся, теперь мало чем отличалась от трех зверей лежащих перед ней. – Ты постоянно рыщешь, шастаешь туда-сюда, маячишь, где не надо, и хочешь уверить меня, что ничего не знаешь, и не понимаешь. Ты что-то очень уж невысокого мнения о царице. Ты только что превозносил мой ум и, видимо решил, что после этого я сильно поглупела. Но ты и сам не очень-то умен, хотя считаешь видимо себя большим пройдохой. Более всего ты сейчас напоминаешь крысу, забравшуюся в амбар, набившую за щеку зерен и утирающую свой длинный нос лапками, но не подозревающую, что у кошки уже дергается хвостик.

– Позвольте мне задать вопрос Вашему Величеству. –

смиренно попросил странник и после легкого кивка продолжил. – Как все же Вы догадались, что я не из вашего мира?

– Ну что ж ты так глуп, о, бог с мокрыми волосами! Сам твой вопрос и есть ответ. Ну, хорошо, скажу тебе яснее. Ты разве не понимаешь, что сделал все, чтобы не выглядеть настоящим роме? Ты совершил все возможные ошибки и очень преуспел в этом, а также добавил к ним и совершенно невозможные. Да, ты неплохо говоришь на языке Черной Земли, ты произносишь правильные слова и соблюдаешь форму обращения, но для тебя все это лишь интересная игра. Вот ты сидишь предо мной, тарачишь свои наглые, бесстыжие и подлые глаза, предо мной, твоей царицей, повелительницей Земель Обоих, живым и бессмертным богом и богиней, сидишь, вместо того, чтобы валяться ниц и трепетать от страха, ужаса, а также и восторга, будто не сознаешь, что движением пальца, – юная царица показала ему этот свой палец, – тебя могу я уничтожить, а одним словом поднять до невидимых высот. И когда ты произносишь «Ваше Величество», в этих словах не более почтения, чем – тут взгляд царицы упал на обезьяну, с сосредоточенным видом засовывавшую инжир в кувшин с вином, и она неожиданно замолчала, поглядывая то на странника, то на обезьяну, как будто сама поразилась вытекающему выводу.

Странник тоже уставился на обезьяну и беспокойно заерзал.

– Ваше вели... – начал, было, он...

– Убью! – резко сказала царица. – Убью. Молчи лучше, ради Священной Девятки.

Леопарды с ворчанием приподнялись, а мартышка тут же прыгнула на колени Нейтикерт и оскалила неожиданно крупные зубы.

– По-моему, все понятно, но, главное-то в том, что ты этого сам совершенно не замечаешь. За то время, что ты шныряешь вокруг Прекрасной Твердыни, ты такого наворочал, столько натворил, что тебя разыскивают все ведомства. Ты так здесь отличился, что донесеньями завалены суды, полиция, канцелярия градоначальства и сам великий джати и так всего там много, что кое-что спихнули даже мне. – царица с хищной улыбкой покивала головой, – Ты заслужил столько каменоломен, что их не хватит во всей Кемт, и смертей столько заработал, что советую тебе приобрести еще несколько десятков жизней. Так вот, – улыбка исчезла с облика царицы, – я хочу узнать, почему из-за каждой колонны постоянно торчат твои уши, почему из-за каждого угла высовывается твой длинный нос, и за каждым поворотом я натыкаюсь на следы твоих голых пяток, – взгляд юной царицы воткнулся в вестника как копье.

– Собираешься ли ты объяснить мне прямо и без уверток, откуда и зачем ты явился и почему вьешься, вокруг меня как весенняя пчела. Какого же нектара ты от меня добиться хочешь? Но!... но не забывай, что говоришь со своей божественной повелительницей.

Установилось тягостное молчание, во время которого Нейтикерт не очень благосклонно смотрела на странника.

– Ну, нормальные у меня, вообще-то, нос и уши...

Царица резко вскинула вверх ладонь и леопарды приподнялись и поползли вперед.

– Да, подождите ж вы, Ваше Вели... и... э-э... – снова было начал он, затем помолчал и продолжил совершенно другим тоном. – Хорошо, царица, я объясню все, что в силах объяснить, но этого не будет много. Ну, уж, прости, – что знаю. Для начала я хотел бы узнать одну очень важную вещь, мне еще непонятную. Вот Вы изволили именоваться живым богом, но Вы не можете не понимать, что родила Вас женщина, человек, что в детстве Вы играли со своими сверстницами в куклы, или не знаю, во что там играют царевны и вы такая, же, как и они. Вы с вашим-то умом не можете не понимать, что вы по сути – человек, женщина, правда, божественно прекрасная. Ну вот, я и хотел бы... ну, узнать – Вы что, на самом деле... – неожиданно замялся странник.

– Ты хочешь спросить, верю ли я в свою божественную сущность? – помогла ему царица.

– Ну, в общем, да!

– Ну, так не мямли, а прямо спрашивай. – сверкнула глазами Нейтикерт. – Да, я, безусловно, считаю себя богом Черной Земли, не потому, что верю, а потому, что так оно и есть. Ты опять говоришь глупости, основанные на примитивных представлениях. С образованием у тебя проблемы

видно были. Меня, видите ли, родила женщина! Да, женщина, но из божественной семьи властителей Обеих Земель! Отец мой – бог, ныне обретший бессмертие на звездном небе. Да, я играла в детстве с подружками, я и сейчас встречаюсь со многими из них – что из того? Что из того, что я родилась человеком? Во мне божественная кровь Гора. После того, как предыдущий владыка ушел в свой горизонт, живой бог этой страны – я, и бессмертие, в божественных чертогах Дуата, наравне с богами, будет дано только мне! Ты улетишь в небытие! Все улетят в небытие! Я буду вечно существовать в Дуате и те, кого я удостою чести уйти со мной.

– Но это совсем не знание, Ваше Величество, это как раз и есть вера, об этом я и спрашивал – верите ли Вы?

– Пойми, странник – этой прекрасной землей раньше правили боги. Затем они ушли в свои божественные чертоги и передали власть Великому Храму, коего именуют Гором, сыном Ра. Я не просто царица – я Великий Храм, я – Повелитель, и моя человеческая сущность значения не имеет. Я проживу здесь жизнь смертного, но из всего населения Черной Земли только я обрету бессмертие наравне с богами, только мне предначертана жизнь вечная. Лишь я одна из всей страны имею Бу – душу-проявление. Ее имеют только боги и отличие мое от смертных... впрочем, оставим пока вопрос о моей божественной сущности. Пришло время отвечать тебе. Я жду.

– Да, действительно, пора. Я скажу тебе, царица, все, что

знаю и что сумел понять. Но это будут вещи удивительные, в которые поверить трудно. Я сам с трудом осмыслил все происходящее, и, уж точно, никто не поверит в это в том мире, откуда я пришел. Так вот, царица. Ты не в моем воображении, так же как и весь мир вокруг. Ты вполне реальная царица, и, я даже не могу сказать словами, насколько велико мое счастье видеть тебя такой, какой ты и была на самом деле. Я точно из того мира, в котором живете все вы, сколько вас есть: простые роме, не знающие вещей, властители городов, сепов, жрецы, низшие и высшие, все эти хем-нечер и чер-пер-анх и хери-хеб и ты, прекрасная и божественная царица. Я не поднялся из глубин Аменти и, уж точно, не спустился с полей Иалу. Я – из вашего мира, но из того, каким он будет потом, намного позже. Вот и весь мой ответ, – странник с интересом уставился на Нейтикерт.

– Что ты мелешь? Как это может быть – мир, который будет потом? Мир есть только сейчас, и мы движемся с ним. И больше не может быть никак, ибо после только Дуат для богов и только поля Иалу для людей, впрочем, не для всех.

– О, царица! Самое смешное, что и в моем мире все считают точно так же.

– Но как ты все это докажешь?

– Ну, я-то вот он!

Нейтикерт фыркнула.

– Опять начались обезьяньи ужимки! Но можешь ли ты мне это объяснить? Я уже почти что верю, но не могу еще

понять.

– Хорошо, я попробую. Предположим, мир – это огромная барка, подобная золотой барке Ра, и плывет она по священному звездному Хапи. – странник указал на жемчужную россыпь Млечного Пути. – Так же, как плывет твоя царская барка с первых порогов Хапи до самого устья. Но можно спрыгнуть и поплыть обратно к порогам, и ты увидишь воды Хапи, по которым проплывала барка ранее и, возможно, взойдешь на ту, же барку, отплывающую от порогов.

– Но это будет уже другая вода и другая барка. – после некоторого раздумья сказала царица. – Та первая уже в неведомое уплыла.

– Зато река останется та же самая... – вестник неожиданно замолчал, сообразив, что хотела сказать царица. – А ведь ты права, царица. Река будет уже другая. – он задумался и через пару мгновений вновь просветлел ликом. – Но берега ведь будут те же! Значит все наоборот – время это река, а все остальное берег. Прошлое не исчезает, оно просто остается ниже по течению. – вестник указал рукой вверх по течению, на юг.

Нейтикерт молча, смотрела на ночного гостя, затем указала на алебастровый кубок, мерцающий мягким телесным светом.

Странник встал с песка, отряхнул колени, налил из хрустального кувшина с узким горлом почти черного вина и, держа кубок двумя руками, поднес его царице. Темные глаза

ее, похожие по отсвету пламени на вино, неожиданно оказались очень близко, так близко, что страннику почудилось – сделай он еще одно движение вперед, и он провалится в их темную мрачную глубину.

«Этого еще не хватало!» – подумал странник, чувствуя неожиданную слабость и неодолимое желание свалиться к ногам царицы, – прекрати, не смей думать об этом. Ничего этого нет, и ее – нет. Здесь ты – единственный кто есть! Все остальное прошлое, которое уже случилось, прошло и улетело в бездну и ты все это видишь благодаря непонятному вывиху природы».

Однако царица была – вот она. И завораживающие глаза, по-прежнему не мигая, смотрели на странника в упор, а полные, чувственные губы шевелились, произнося что-то неслышимое. Окружающий мир вдруг отстранился и хоть не исчез совсем, но потерял реальность, время исчезло, и вместо него явилась вечность.

Страннику вдруг показалось, что они превратились в барельеф на стенах дворца, и теперь он будет вечно протягивать кубок вина царице в окружении двух леопардов и льва, неотрывно смотрящих на него, и через тысячелетия люди будут приходить и смотреть на странного человека, протягивающего прекрасной царице кубок вина и будут гадать кто они, эти двое, как они жили там, в глубинах времени, о чем они мечтали, как страдали, как любили, к чему стремились. Трудно сказать, сколько времени они оставались без движе-

ния, ибо, как сказано оно, время, на время исчезло.

Нейтикерт протянула ладонь, поднесла кубок ко рту и, слегка пригубив, вернула его страннику.

– Выпей со мной странник, плывущий против течения; выпей с древней, ушедшей за горизонт царицей, говорящий молча, – сказала она со странной улыбкой; жуткие затягивающие глубины ушли из ее глаз, и теперь там плескалась лукавая искорка. – Если, правда, то, что ты говорил, то никогда тебе уже не попасть в ту барку, с которой спрыгнул. Она-то уплыла вперед и уплыла навеки.

Странник медленно вытянул терпкое пахучее вино, чувствуя, как быстро оно забурлило в крови.

– Я верю тебе, – продолжила Нейтикерт, ноздри ее раздулись как у львицы учуявшей добычу, – пусть рассказ твой очень странен, необычен, даже нереален, но я тебе верю. Остается один вопрос – если ты приплыл с Нижних Вод, ты должен знать все, что было с проплывшей баркой.

– Знаю, царица. Ты могла убедиться в этом и в первый раз. О тайном соо...

– Об этом молчи! Если, конечно, жить дальше хочешь, а не сие мгновение умереть. Тем более что ты мог вынюхать это здесь и сейчас. Я спрашиваю не о намерениях, а о будущем.

– К сожалению, я знаю, что будет потом и чем это закончится. Твоя история известна в моем мире.

– И что же? Что произойдет в том будущем, уже и не таком

далеком? – выдержка Нейтикерт была нечеловеческой.

– Ты сделаешь, что задумала.

– А дальше? Что будет со мной?

– Позволь мне не отвечать, просто откажись от этого. Гнев твой справедлив, но откажись, просто живи и правь своим народом. Как завещала тебе птица Бенну.

Последние слова вестник произнес тоном пониже, а царица, чуть поджав губы, сказала:

– Не забывай, что здесь я решаю – кому жить, а кому умирать, и, всего главнее, я решаю – когда умирать кому. Еще, немаловажно так же то, что я решаю, как умирать кому. И ты до сих пор не корчишься на колу, потому лишь только, что я так пока хочу, и чтобы я и дальше так хотела, тебе надо очень сильно постараться, тебе надо об этом только и думать и из кожи вон выворачиваться, а не давать богам советы.

– О Ваше величество, не совершайте такой ошибки – вот это все – кол, содранная шкура. Возьми в расчет, царица, что и ты существуешь только в связи со мной, и весь этот мир есть, пока в нем нахожусь Я. Ведь он давно уже прошел и все события давным-давно свершились и то, что есть сейчас вокруг, всего лишь то, что я перед собою вижу. Живет он по своим законам и возможно, вне моей власти, но только в моем присутствии. Я, конечно же, не бог, а гораздо ху...

– Ты наглая, бессовестная и редкостная скотина! Не понимаю, почему я с тобой до сих пор разговариваю, вместо того чтобы содрать с живого кожу?

– Я очень обаятельный, а в остальном Вы совершенно правы.

– Да, ты забавный. Объясни-ка мне эту неожиданную мысль о тебе и всем мире.

– Это просто. Ты, царица любишь читать всякие сказания, ну, скажем, описания походов Уны, или приключения Хирхуфа. Не те, что начертаны на их гробницах, а те, что записаны на папирусе. События эти давно прошли, все их участники давно покинули этот мир, но стоит взять папирус, и вот снова двинутся в бой шеренги воинов Та-Кем, вновь запыхают селенья, запоют стрелы, польется кровь, красная, дымящаяся. Герой снова совершит подвиг, предатель вновь предаст героя. Потом его постигнет кара, а, может быть, и нет.

Наступило молчание. Нейтикерт смотрела своими глазами на звездное небо.

– Я поняла тебя, мой недалекий всемогущий бог, читающий время. Но ведь не ты, же написал его. Так что жизнь, такая ценная, твоя здесь ничего не значит. И ровным счетом ничего не стоит.

Странник согласно кивнул.

– Царица, я не утверждаю, что здесь, в твоём мире я бессмертный. Просто я помню всю историю людей как прошлое, пойми – оно уже свершилось, а значит, убрав меня отсюда, ты опять отправишь свое время в небытие.

– Когда и как ты вернешься обратно, или уйдешь вперед,

или что ты там намерен сделать?

– Не знаю, царица. Я забыл, как очутился здесь и уж тем более не знаю, как отсюда выбраться.

– Я показать тебе хочу кое-что, бедный бог, потерявший время, но не сейчас. Смотри, однако, золотая барка Ра уж выплывает из полей Камыша, – Нейтикерт указала на восток, где крупные звезды Ориона уже теряли силу своего блеска, а дальше черная тьма ночи приобрела серость. – Жрецы уже проснулись в храмах и скоро гимны запоют. Я, как повелитель Обеих Земель, посвященный в высший жреческий сан, должна участвовать во встрече возродившегося Хепри. И пока здесь никого нет, ты должен удалиться, но повелеваю тебе явиться ко мне следующей ночью, ибо разговор наш еще не окончен. Ты мне понравился вообще-то. Пожалуй, подожду пока тебя насаживать на кол. Ну и кожа пусть пока останется с тобой.

– Понравился? О, я утону в блаженстве. А в каком же смысле, позволено ли, спросить?

– Вообще. Ну и в том самом тоже. И все, хватит с тебя на сегодня.

– Слушаю и повинуюсь! А где я найду Ваше величество?

– Ха! Вот уж вопрос достойный бога! Откуда же мне знать? Прочитай все это в своей книге жизни – будущее тебе открыто, а не мне. Ну, все – иди, чтоб не испортить впечатление очередной какой-нибудь ужимкой.

Странник, прижав ладони к груди, наклонил голову и на-

правился в реддеющую тьму.

– Хе-ей! – неожиданно окликнула царица, – а зачем ты приходил-то? Чего, вообще, хотел?

– Ну, я просто... просто хотел еще раз посмотреть на древнюю и легендарную царицу.

– Наглец и хам, – миролюбиво ответила Нейтикерт, и, подтянув ноги и свернувшись калачиком, добавила, махнув рукой. – Все, все, вон исчезни с моих глаз!

«Вспомни и не забывай, что бы ни случилось, – думал вестник, перелезая через невысокую стену окружающую сад и пытаясь стряхнуть с левой ноги уцепившегося за нее стражника. – не забывай: ее уже давным-давно нет! Я вижу, куда тебя понесло! Не смей и думать! Но как, все, же она прекрасна, и что это, за сладкая боль разгорается в груди, и почему-то ноги не хотят уходить, будто налиты свинцом. И что же это тянет так меня обратно».

– Да отцепись ты. – в сердцах прошипел странник и стукнул свободной ногой стражника по голове.

В результате оба свалились со стены, но по разные ее стороны, одновременно вскрикнув: «Что б ты подох!»

«Промолчит, – подумал вестник о стражнике, – палок то не хочется».

«Промолчу, подумал стражник о вестнике, – что-то палок не охота».

Однако на этом ночные приключения еще не окончились. Когда вестник спрыгнул с громадной финиковой пальмы,

росшей у крепостной стены, то угодил прямехонько в сеть раскинутую внизу. С земли подскочили фигуры, держащие края сетки, и с радостными возгласами кинулись заворачивать добычу в сеть. В предрассветном сумраке куча тел свалилась наземь, с удовольствием барахтаясь в пыли, сквернословя и богохульствуя. После небольшой неразберихи мерзавца все же спеленали и принялись весело и добродушно пинать ногами, приговаривая:

– На, на, на! На хвост облезлого шакала! Ешь выкидывай чесоточного гамадрила! Получи кусок протухшего навоза!

– Ой! Ой, больно! Уй, больно, больно. – орал во все горло вестник.

– Хо-хо! Та це ж, оно еще не больно! Та вино, пока ще, почти щекотно. – ржали весельчаки.

– Да как же не больно, когда очень вино дюже, як ще, больно! – продолжал кричать вестник, но уже потише.

– Та ты подывись, яко вино ще нижно! – проговорил кто-то с западно-ливийским акцентом.

– Не смейте меня бить ногами в морду! Я требую человеческого отношения!

– Ни, оце мы тэбэ ще не бьем! Це мы тэбэ тильки ще пугаемо.

Вестник продолжал верещать и причитать, однако голос его понемногу затихал и вскоре озадаченные ловцы вестника сообразили, что бессовестный гад гундосо воет уже за углом Белой Стены, а они завернули в сеть и отметили своего

товарища.

Э, нет! Двух товарищей.

Все были сильно озадачены и весьма разочарованными. Особенно, те двое, запутавшиеся в сетке.

Все это безобразие доносилось и до свернувшейся клубочком царицы. Отдельных фраз она, конечно же, не слышала, просто в предрассветной тишине из-за громадных стен древней крепости доносился какой-то шум и вопли, усердно издаваемые вестником, но царица догадалась, что к чему.

– Шут. – прошептала она не открывая глаз и улыбнувшись добавила. – Вот ведь шут бобовый.

Глава третья. Мудрости кусочек

Тем временем нахал удирая от стражников налетел со всего брыку на своего онагра, и пробормотав, – вот это очень кстати! вскочил на животное и понесся скоростным аллюром прочь от Меннефер, справедливо полагая, что тяжело-весная машина репрессий будет ловить его только в столице, ну и еще в Иунну. И посему на восходе оказался он в славном городе Кхеме – городе удара молнии. Вестник полюбовался храмом Гора, в который его так и подмывало заглянуть и засвидетельствовать почтение святыням и всей святой братии, но вместо этих богоугодных дел он направился куда-то в заросли тростников густо облепивших реку.

– Ну, раз так оно получилось, пойдем, поищем заодно уж мудрости. – пробормотал он

С утраца эта разыскиваемая законом пара, могла быть замечена к северу от города, но, увы, замечена не была. Поэтому, сидя по привычке боком на своем верном животном, бродяга сладко жмурился под лучами восходящего солнышка и выглядел вполне довольным. Наверняка затевал, поганец, очередную пакость. Путь их пролегал вдоль живописной протоки Нила, обильно заросшей тростником, правда, по причине спада уровня, от воды зеленую стену отделяла полоса песка, обильно сдобренная илом. Бродяга с наслаждением вдыхал чудный запах подгнившей тины и разлагаю-

щихся ракушек. Весельчак набрал полную пригоршню мелких камушков и развлекался швырянием их в воду, с удовольствием слушая смачный «бульк», а иногда возмущенный вопль лягушек.

Неожиданно он закрутил носом, что-то почуяв, и произнес:

– Уха! Вот ведь удача – мы прямо к завтраку успели.

И верно – вскоре перед их глазами образовался какой-то оборванец у костерка что-то варивший в котелке и помешивающий варево палочкой.

– Привет тебе, брат мой. – вежливо приветствовал бродяга незнакомца.

Оборванец даже не поднял головы продолжая помешивать. Был он весьма волосат, а так же имел узенькую бороденку. И весьма жиденькую, кстати. Из одежды на нем, было, не поймешь что – толи короткий схенти, толи набедренная повязка.

– Мой брат, тебе привет! – напомнил о себе вестник, на всякий случай, повторив фразу в обратном порядке.

– Гиены кхемские тебе братья. – пробурчал наконец оборванец.

– Друг мой, ты, может быть, не знаешь, но бог велел нам всем делиться.

– Какой из них?

– Бог Тот. – наобум ответил вестник.

– Мне он ничего не говорил об этом.

– Ну, если и не Тот, так этот. Друг мой, ну отвлекитесь же хоть на мгновение от вашего изысканного блюда.

– Чё надоть? – голь перекатная никак не хотела оторваться от котелка.

– Ищу я одного человека, великого мудреца, отшельника и аскета, которому открыты многие тайны земли и неба, да почти что все.

– Да, много тут всяких бездельников, тунеядцев и прочего отребья и рванья по зарослям ховается.

– Нет, нет! Этот мудрец известный, слава его даже и меня достигла.

– А на хрен тебе этот придурок сдался?

– Я так же ищу мудрости, вот и попрошу его со мною поделиться. Ведь все-таки бог Тот велел делиться, хоть вам об этом, как вы говорите, не известно.

– Вот еще один debil сыскался. Мудрости ему! Искал бы лучше бы богатства, тогда и дураком прожить неплохо можно. Даже таким как тот, что торчит передо мною.

– Увы, увы! Богатство меня что-то явно избегает. Я даже думаю, оно от меня скрывается специально. Знает, видно, что не поздоровится ему, коль попадет в мои лапы. Хе-хе.

На это собеседник вообще не счел нужным ответить. Однако прекратил помешивать, достал откуда-то из повязки глиняную ложку, зачерпнул, и, противно вытянув губы, с громким чухфырканием втянул в себя юшку.

– Друг мой, – по прежнему вежливо произнес вестник, –

вы слишком уж сосредоточены на низменном. Мой долг святой помочь перейти вам к мыслям о вечном и высоком.

Вестник подцепил ногой котелок и так ловко наподдал его, что тот перелетел через протоку как ракета (пар от варевы, его сопроводивший, такое впечатление значительно усилил) и пропал навеки в недрах тростника противоположного берега.

Правда, взамен его, оттуда с возмущенным криком вылетели две утки.

– Ты что это натворил, гаденьш! – подскакивая, возопил оборванец.

В руках у него неожиданно оказалась увесистая дубина, многообещающе прогудевшая над головой вестника и то только потому, что тот успел увернуться.

– Вы, что, расстроились из-за такого пустяка? – искренне удивился вестник.

– Да, нет. Это я так, просто. – несколько туманно пояснил его собеседник продолжая размахивать немудреным оружием. – А вот сейчас расстроюсь.

Увернувшись несколько раз от дубины, вестник счел разумным отступить и кинулся наутек, однако, пущенное вслед умелой рукой оружие ближнего боя вскоре настигло его и вкусно приложилось к спине.

– Уй, б...! – взвыл наш герой, выгнувшись весьма картинно. – Уй, же ж, моя поясница! Ну, египетская рожа!

Он широко, по-крестьянски, размахнулся и смачно впе-

чатам подбежавшему оборванцу под глаз.

– На! Жри, нильская рванина!

Оборванец шлепнулся навзничь, затем встал на четвереньки и вестник, пользуясь удобным положением тела, дал ему здорового пинчища. Противник подскочил и в свою очередь (а что поделать – военная удача переменчива) кинулся наутек. Вестник бежал за ним, пиная в задницу, и злобно приговаривал.

– Да не стесняйтесь вы ей-богу. Угощайтесь, угощайтесь, угощайтесь!

Но тут убегающий спотыкнулся и вестник, не успев затормозить, перелетел через него и пропахал носом прибрежный ил. Противник тут же оказался сверху и, схватив за волосы, начал тыкать евойной физиономией в вонючую субстанцию, извергнутую священной рекой. Так еще, изверг мучительский, издевательски комментировал:

– И вы, достойнейший, отведайте уж нашенского угощения. Ведь бог Тот велел делиться. Не так ли?

– Буль... ы... тьфу! – говорил вестник, – пусть засранец, а то я рассержусь и не на шутку. Буль. Все, уже сердиться начинаю. Буль-Буль-Буль.

– Да, вы ж совсем и не поели. – продолжал возить лицам вестника по грязи оборванец.

– Ну, я рассердился не на шутку!

Вестник ухватил правое запястье мучителя обеими руками и вывернул ему кисть. Противник повалился рядышком

в грязюку, но сумел вывернуться, и они уселись друг напротив друга, тяжело дыша и недружелюбно поглядывая.

– Ну, че набрался мудрости, чесоточная обезьяна?

Вестник зачерпнул горсть грязи и – чвяк! – с размаху залепил в противную физиономию свежего знакольца. Тот медленно протер глаза и – тьфу! – плюнул вестнику в рожу, тот, конечно же, увернулся, но, оказалось, это был отвлекающий маневр. Пока вестник следил за траекторией полета плевка, оборванец так же горстью грязи залепил ему физиономию, да еще и дважды.

– А это уже плагиат. – отплеываясь сказал вестник.

– Зато оформление богаче. Еще кушать будете?

– Не, переходим к водным процедурам.

Встав на четвереньки, оба поползли к воде отмываться.

Кстати, все это время, онагр сидел на песке, почему-то не ввязываясь в драчку, а наоборот – с интересом наблюдая, по собачьи склоняя голову то на одну, то на другую сторону.

– Так и знал, что тебя обязательно принесет нелегкая. – сообщил промывая физиономию оборванец.

– Привет тебе, великий мастер.

– Сразу догадался?

– После вашей подсказки, мастер.

– Ты же знаешь – в Черной Земле теперь другой великий мастер.

– Я в убогости своей считал, великий мастер не должность, а степень познания сущности вселенной и сущно-

сти своей.

– Эка хватил! Сущность вселенной – ха! Свою понять бы убогую и немощную сущность.

– Нельзя же, в самом деле, познав нечто потом этого не знать. Я предполагаю, что это напоминает беременность у женщин – от нее никуда не денешься. Либо она есть, либо нет ее.

– Почему же? Можно разродиться и это происходит рано или поздно. Иначе в беременности столько же смысла, как и в отсутствии ее. Ну, в самом деле, нельзя же быть беременным одним и тем же постоянно – когда-нибудь придется и рожать. Это со мной и произошло.

– И чем же вы беременны сейчас.

– У меня очень мучительные были роды, теперь мне нужен перерыв.

– Хотелось бы помучиться и мне вместе с вами. По-моему настала ситуация для поучительной истории из вашей жизни и у меня аж уши завернулись.

– Ну что ж, приведем их в изначальное положение. Я ведь происхождением совсем не из знати, но с детства отличался острым умом и терпением и очень тем гордился, потому, что обошел многих из знатных. Однако очень скоро понял, что терпение и ум совсем не моя заслуга – это мне дано богами. Чем же было мне гордиться? Меня влекло желание повелевать людьми, но не силой власти или оружия угрозой, а могуществом ума и твердой воли и я овладел таким ис-

кусством. Однако, овладев им, я понял и свою собственную сущность и люди стали мне неинтересны. Желание повелевать ими тут же пропало. Зачем же мне нужно древнее и тайное искусство? Я полюбил поэзию и любил искренне и верно, но в один момент пришла ко мне мысль – а почему сказанное в рифму всеми принимается за истину неоспоримую? Срифмовать можно и любую ахинею. Изучал я древних мудрецов – один сказал нам то, другой сказал вот это, а вот тот сказал совсем наоборот. С тех пор, как изобрели священный иероглиф, записали очень много и думаю, напишут еще больше. И что с того, что некто по такому поводу сказал вот так? Что нам с того? Какая польза миру? Придет другой и его опровергнет. А третий охает всех предыдущих. Все это самое проделает и акробат, но только не со словами, а со своим телом. Где правда, а где ложь, где истина и мудрость – все решать придется самому и именно в момент текущий, а не вчера или завтра. Как видишь, я из себя родил гордыню и тщеславие. Не так-то это просто хе-хе.

– А как обстоит дело со знанием? Ведь предназначение умного человека в том, чтобы добавить найденное им в общую казну знаний. Это же такое наслаждение переносить законы мироздания из небытия в зримый мир. Отбирать у богов их достоянье.

– А задача мудрого решить – а надо ли являть миру им познанное.

– Но обнаруженное может навсегда исчезнуть.

Оборванец взял тростинку и начертил на песке прямоугольный треугольник.

– Тебе знакома такая фигура?

– Очень знакома.

– А законы, что она скрывает?

– И они, как это ни удивительно, знакомы.

– А если бы они были сейчас неизвестны, то сохранили жизни десятки тысяч человек. Всего-то три черточки тростинкой на песке, а какой значительный эффект.

– Да, но тогда бы...

– Конечно! Тогда бы в мире не появилось вот это.

Оборванный философ ткнул через плечо большим пальцем в сторону юга, где виднелась пирамида Раджедефа, а за нею вдалеке золоченые верхушки громад Ре-Сетау.

– И кто теперь оценит стоит ли одно другого? Это была еще одна истина – за то знание, что я принесу в мир – тысячи заплатят своими жизнями. Как и кто будет оценивать сей вклад? Что ценнее – знание или жизни многих тысяч?

– Но имея возможность влиять на массы людей, и на личности отдельно, вы могли бы принести в мир благо – увеличить меру добра или хотя бы зло уменьшить.

– Хм. Ты говоришь о том, чего не существует в мире. Ты говоришь о справедливости, а она придумана людьми, а не богами.

– Признаться для меня это новость.

– Оглянись вокруг и скажи что видишь.

– Для этого и оглядываться не надо. Вокруг меня расположен мир.

– Все же оглянись.

Вестник повертел головой.

– Ну? Что увидел?

– Солнце, небо, травка, бабочки, стрекозки, птички, одним словом – лепота, а другим словом благодать.

– А так же змеи, скорпионы, крокодилы. Бабочка выпила нектар цветка, стрекоза поймала бабочку, птичка съела стрекозу, змея живьем и очень медленно, со вкусом, проглотила птичку, крокодил слопает змею, бегемот для удовольствия растопчет крокодила. Это добро иль зло? Или быть может это справедливо?

– Это закон природы, так изначально мир устроен.

– Верно, так он богами создан. Посмотришь, в общем, благостная красота, присмотришься – все мерзостная гадость. Так что добро и зло человеческое изобретенье, противное естественной природе.

– Как-то у вас все это получилось мрачно. Прямо захотелось дать кому-то в морду.

– Не так уж, в общем-то, и мрачно – красота-то все же есть. Просто надо глаза раскрыть пошире и смотреть на общую гармонию не сужая угол зренья.

– Все же, думаю, людям надо постоянно напоминать, что все же в мире есть зло в избытке, но должно быть и несуществующее добро и если первое само собой твориться, то вто-

рое нуждается в творенье. Раз уж боги его не создали, то мы и должны его производить, если уж придумали сами. Иначе – люди мы или не люди?

– Опять ошибка роковая. Люди только прикидываются, что добра желают. Они его до ужаса боятся, иначе оно давно бы уж весь мир заполонило. Сам подумай если все поголовно за добро и справедливость – так что ж их днем с огнем не сыщешь?

– Наверно спрос превышает предложенье и отсюда острый дефицит.

Оба переглянулись и одновременно фыркнули, затем вестник добавил:

– Но мысль о том, что люди добра боятся, мне кажется не только новой, но и очень спорной.

– Боятся. Еще как бояться. Тогда ведь надо будет отдать много. Все надо отдать. Кто ж на такое согласиться?

– Прямо вот так уж и все! А себе можно что-нибудь оставить?

– Нет! – мотнул волосами оборванец. – добро и есть то, что ты отдаешь. Сам, не прикидывая, что ты взамен получишь. Иначе это просто сделка торгашей.

– Что ж, ваша идея, по-крайней мере у одной социальной группы, получит полное одобренье. У рабов.

– Глупость! У раба жгучее желанье получить и поиметь. И оно еще страшнее потому, что он всего лишен. Он всего жаждет – питья, жратвы, женщины, одежды, и свободы! Он,

бедолага, хочет свободы, совсем не зная, что это такое. Он думает, что свобода это возможность ничего не делать и все иметь. Он хочет, хочет и бесконечно хочет. Отдавать – единственное чего он не хочет. Так зачем ему добро?

– Да, и вправду – нам добро такое и на фиг не приснилось.

– Но ты ведь не затем пришел, что б обсуждать столь отвлеченные вопросы.

– Нет, я все-таки хотел обсудить кое-какие мысли...

– То есть хотел у меня найти подтверждение своим.

– В общем – да.

– Нашел?

– Скорей наоборот.

– И от своих намерений и убеждений ты теперь отказался?

– Ни в коем случае.

– Значит, мы время потратили даром – твоя вера нуждалась в подпорке, но вместо этого сама собою укрепилась.

Глаза бродяги сквозь спутавшиеся волосы смотрели весело и пронзительно.

– Но я еще хотел бы знать, что есть такое – Я! Что это такое есть за постороннее образование, на теле вашей древней земли.

– А сам ты как считаешь?

– Я предполагаю, что каким-то образом чудесным, попал сюда по памяти моих предков. Ведь вся их жизнь, от начала времени, должна быть в глубинах моего сознания.

– И что тебя смущает?

– Один только фактор – в этом случае я должен находиться в теле своего предка и прожить его жизнь.

– Если бы ты жизнь его прожил, то это было бы то прошлое, что уже ушло. Как смог бы ты тогда отличить его от всего остального? Ты бы тогда не понял основной сути.

– Я ее и сейчас не понимаю.

– Так иди и поживи в Черной Земле немного.

– Ну, хорошо, пошел тогда я жить.

– Я вижу, что ты еще что-то с собой уносишь. Может, стоит предъявить и это миру.

– Есть. Хотел спросить – что ж ты, мудрец, оставил в одиночестве свою царицу?

Некоторое время оборванец сидел на берегу молча, шлепая палочкой по воде. Затем, не отрывая от реки взгляда, спросил:

– Так ты от нее?

– Сам по себе. Не кажется ли тебе мудрый отшельник, что ты должен быть с ней рядом.

– Если из земли забил источник – бессмысленно в него лить воду, и зачем кремнем бить об камень, если уже бушует пламя. Его надо либо потушить, либо отойти подальше пока не получил болезненных ожогов.

– Значит, как пламя разжигать, так это мы, а получать ожоги так другие?

– Я больше не могу и не хочу об этом говорить.

– Ну, а я все-таки попробую направить воду бьющего ис-

точника на бушующее пламя.

– Так смотри, изжарившись не захлебнись.

Глава четвертая. Ночи с богиней

– Расскажи мне о мире, подобном реке. Расскажи, где исток его и в какие моря он несет свои воды?

Царская барка медленно плыла по озеру Лотосов, чуть слышно поскрипывали весла, кормчие едва шевелили рулями в черной воде, с берега наплывал густой аромат, появившийся вместе с темнотой – цвела нильская акация.

Царица и бродяга находились на верхней палубе под легким навесом. Нейтикерт сидела на деревянном троне, странник расположился рядом на полу, обхватив голени руками и положив подбородок на колени. Одет он был без излишеств – только набедренная повязка, еще не вполне высохшая, так как до барки пришлось добираться вплавь. Все огни были потушены, и их освещали только звезды и огромный камень, горевший в диадеме, украшающей чело царицы. Посередине камня переливалась желтым красным и зеленым светящаяся полоска и при малейшем движении царицы полоска растекалась по объему всего камня.

– И еще расскажи – всегда ли ты будешь являться предо мной таким вот мокрым оборванцем?

– Прошу прощения у Вашего Величества, но в парчовых одеяниях увешанными драгоценными украшениями было бы весьма сложно добраться сухим до вашей барки. Но в следующий раз я постараюсь одеться пороскошной.

– То есть, опять кого-нибудь разденешь? Оставим разговор о твоём гардеробе. Слух мой открыт для рассказа о реке Времени.

– Воля Ваша священна для меня, и вот я явился пред Вашими очами, презрев страшные опасности, таящиеся в этих водах, в виде крокодилов, бегемотов и змей.

– Не стоило, мой словоохотливый бог, рисковать своей такой бессмертной и такую ценной жизнью ради пустопорожней болтовни.

– Вы правы, и посему вернемся к миру, подобному реке, и ко времени, подобному ее струям. Куда впадает эта река и где ее истоки, мне, увы, не известно. Возможно, что устье кончается там, где начинается исток, и там, в безмерной дали будущего все начнется заново.

– Увы, увы, мой всезнающий бог, но эта великая тайна мне известна с детства, и ты сейчас просто повторил то, что с таким выражением прочитал в стихах при первой встрече. Я объясню тебе все это гораздо проще.

Отец мой Ра, проплыв на дневной барке Манджет по водам Верхнего Неба, переходит на ночную барку Мескетет и плывет по водам Нижнего Неба, сражаясь с чудовищами Нижнего Мира и неизменно побеждая их, вновь вливается в истоки Верхнего Неба. И это неизменно повторяется, каждые сутки и то же повторяется из года в год, и то же повторяется и в вечности. Как сказано в древнем сказании, оставленного нам от эпохи Нетеру:

– Рожденный, как Гор, живущий, как Ра,
– Как Атум склонишься ты к странам Заката
– И в барке ночной под названьем Мескетет
– Найдешь возрожденье ты в водах Дуата
– Из Нижнего Неба к Полям Камыша
– Войдешь на заре ты в чертоги Ахета
– И в барке дневной названьем Манджет
– С востока опять путь проложишь к закату
(подлинный текст древнего гимна)

– Ты же утверждаешь, что можно вернуться от Заката к Восходу, минуя ночь. Объясни мне это, и если не сможешь, то я сочту тебя лжецом и найду для тебя какую-нибудь уютную каменоломню, с гранитом, так уж и быть, помягче.

– С удовольствием объясню моей царице. Для этого обратимся к сказаниям, легендам и преданиям. К примеру, сказание об Осирисе, так сказать, возьмем за жабры. Оно неизменно на протяжении тысячелетий, любой читающий и все его слушающие вновь и вновь видят все это действие заново. Однако, дочитав до конца или до середины, можно вновь вернуться к началу, но слушающие не могут этого сделать, это может сделать чтец. Слушающий может перестать слушать, а чтец волен начинать с любого слова, или иероглифа, но он не волен изменить действия, ибо не он его написал. Но есть сочинители, которые вольны вести действие и записывать то, что они хотят видеть, и все читающие увидят в воображении то, что сочинил кто-то другой. Итак: слушатели –

чтецы – сочинители. Так живут бесконечные миры образов. А теперь взглянем на мир сущий.

Странник широко развел руки, представляя царице погруженный в ночь этот самый мир.

– Если даже слова, сказанные или записанные, сохранятся в веках, то какой из этого можно сделать вывод?

– Любой. – ответила царица. – А какой же сделал ты?

– Мне кажется, что самый главный. Я понял основу мироздания.

– А ты мне скажешь, как он выглядит в словесном варианте? – заинтересованно и как-то доверчиво спросила юная царица.

Вестник выдержал торжественную паузу и произнес четко и внушительно:

– Все происшедшее в мире сущем бесследно не исчезает. Все происшедшее существует вечно.

Затем он добавил уже не так торжественно:

– Можно ли допустить, что то, что происходит в мире сущем, на самом деле исчезает без следа? Нет, нет и нет! Все это, что когда-либо было, есть и сейчас, а то, что есть сейчас, будет и потом. – Странник энергично ткнул вниз пальцем. – И это «сейчас» можно будет увидеть потом, если, конечно, оно кому-нибудь будет нужно. Единственный вопрос – где это находится и как это увидеть? Вот так я это объясняю, если коротко, конечно. Так что там насчет каменоломни скажет мне теперь царица? А то что-то уж очень хочется попи-

лить гранит медной пилой.

– А не спеши. Все впереди еще, еще попилишь.

– Так ты со мной согласна?

– Нет.

– Почему? – удивился вестник считавший, что убедил, силой своего интеллекта, малограмотную древнюю девушку. – Ты разве считаешь, что все бесследно исчезает?

– Не считаю. Я не считаю, что это главная тайна мира. Таких, как эта, еще очень много.

– Какова же главная? – с некоторой иронией спросил вестник.

Царица посмотрела на луну, подняла лицо к звездному небу, и долго молчала.

– Она звучит короче. – сказала наконец царица.

– А как именно?

– Два из них ты уже знаешь.

По-прежнему задумчиво глядя на звезды, царственная дева тихо произнесла:

– Всего три слова.

Затем она взглянула на своего собеседника и спросила прежним тоном непринужденной светской беседы:

– А ты-то кто в этом мире, как ты выразился – «сущем»?

– Скажу, что – сочинитель, так Вы все равно не поверите, тем более что теперь и сам я сомневаюсь.

– Ну, как раз вот это, проверить очень просто – к примеру, прикажу посадить тебя на кол – и как тебе понравится такое

собственное сочинение? Вот тогда уж заодно, и побеседуем об авторстве такого вот произведения.

– А знаете, мне и самому интересно, что из этого получится? Но, как Вы справедливо заметили, не будем торопиться, на кол сесть никогда не поздно, а скорее – всегда рано и остановимся на том, что я понял, как читать. Хотя у меня ощущение, что я имею какое-то отношение и к созданию. Видимо, все живое в мире в некоторой степени – сочинители, ведь наши поступки и есть наш способ вести сказания по-своему, и, может, они не всегда соответствуют мнению Сочинителя, если он обращает на это внимание, а основной текст все равно сохраняется. А насчет кола Вы очень остроумно заметили: если я – автор и этот мир – мое создание, было бы очень оригинально закончить сказание таким вот образом. Вот интересно – куда он потом денется, этот мир, мною созданный? Тогда это не мир сущий.

– Что ж, опять ничего нового ты не сказал. Ну да, есть Создатель нашего мира. Мир создан Птахом из Великого Ничто. Вначале было Ничто, и находилось оно Нигде, и не содержало Ничего. И Ничто – было Все. Это мне известно. И Великий Птах вначале создал своей мыслью весь мир в своем сознании, а после словом перенес его сюда в Ничто и оно наполнилось вот этим миром до самых до краев. А то что «сейчас» будет и потом и после и всегда – мне очень понравилось. Однако, все это слова. Допустим, ты понял и сумел найти тайный путь из мира завтрашнего. Тогда ты дол-

жен знать что-то такое, чего не знаем мы, но учти – описания грядущих событий меня не устроит, прорицателей-то у меня хватает. Или скажешь, что мир так и останется неизменным?

– Не скажу, мир будет меняться, будет много нового, но кое-что старое забудется. Например, вот некоторые ваши деяния нам кажутся просто волшебством. Что касается доказательств моей причастности к будущему, то нет ничего проще – завтра же я изобрету колесо, или, скажем, арбалет.

– Звучит как-то неприятно, но послушай – мой народ не имеет этого колеса и не будет иметь, а ты принесешь к нам порождение твоего мира. Что тогда произойдет?

– Я думаю, что ничего, ну, в крайнем случае, устье небесной реки перестанет впадать в исток ее же и потечет в неизведанную даль и мир престанет вращаться сам вокруг себя. Вот только и всего. И не беспокойтесь о моем мире, я очень Вам советую подумать о своем, ибо он на пороге великих бедствий.

Некоторое время они сидели, молча, вдыхая аромат ночи, слушая звон цикад и таинственные клики совки-сплюшки со стороны Инебу-Хедж. Барка в очередной раз развернулась и поплыла к восточному берегу, навстречу огромной оранжевой луне, проложившей на воде световую дорожку. Странник повернул голову, любуясь царицей, освещенной призрачным багровым светом с чудесным камнем, вбирающим свет луны. Нейтикерт сидела в ритуальной тронной позе, сохраняя каменную неподвижность. Красноватый лун-

ный свет придал ей сходство с медным изваянием. Впервые странника посетило сомнение в реальности происходящего.

«Ну не сон ли все это? – думал он. – Это живое изваяние с бездонными глазами, в которые опасно смотреть; эта царская барка, благоухающая цветами, это озеро с лунной дорожкой? Вот сейчас я что-то осознаю, и совершится переход от сновидения к реальности, и исчезнет сказочный Инебу-Хедж, исчезнут каменные громады пирамид, исчезнет река с собирающимся туманом, исчезнет Мен-Нефер и весь мир, и это странное существо то холодное и бесстрастное, то яростное, но всегда опасное. О, все боги всей Та-Кем! До меня сейчас лишь все дошло – ведь это та самая царица Нейтикерт, та самая легенда ничем не подтвержденная и она передо мной сидит живая, теплая. Можно протянуть руку и ее потрогать, можно наклониться к ней и почувствовать ее дыхание. Живая Нейтикерт. Она уже исчезла из мира много тысяч лет назад и с ней исчезли все ее переживания, ее страсти, и ее же мысли и осталась только пустота. И все же вот она передо мной, живая!».

– Страна погибнет? – неожиданно спросила Нейтикерт.

Странник вздрогнул, и ничего не произошло – все осталось, как и прежде: ночь, луна, царица.

– Нет, страна не погибнет, рухнет государство. Прекратится власть царей Та-Кем и наступит власть Хаоса

– Что будет потом?

– Из обломков погибшего государства возникнет новое.

– Священная птица Бенну, – прошептала Нейтикерт, – сжигающая себя и возрождающаяся из пепла.

«Да, господа сановники, вельможи и прочие, обожравшиеся от щедрости владык, искоса глянув на царицу, подумал странник, – как это вы умудряетесь не видеть очевидного – как под видом каменной куклы созрел для вас очень горький фрукт. Видно блеск сокровищ слепит глаза. Ну и не жалко, счастливой вам дороги в египетскую преисподнюю! А, правда, можно ли ее потрогать живую и реальную царицу Нейтикерт?»

Странник, слегка подзабыв, что он не только трогал, но и в обнимку катался с царицей по кровати, осторожно протянул руку (Нейтикерт с удивлением посмотрела на него) и осторожно коснулся указательным пальцем большого пальца на ноге царицы. Палец шевельнулся – живая! Она самая. Настоящая царица.

– Ты что?! – шепотом спросила, округлив глаза Нейтикерт. – Что ты делаешь?

– А?! – чуть не подскочил странник. – Ох, прости царица, я вдруг подумал... вдруг все... вдруг вот это... ну вдруг..

– А не многовато этих «вдруг»? И одного хватило бы вполне. Но за неслыханную дерзость я тебя прощаю, ибо понимаю, в чем ты усомнился, однако более прощать не буду и так я что-то очень уж снисходительна к тебе. Ты, пожалуй,образишь себе, Бес знает что.

Что же она понимает? Впервые у странника возникло впе-

чатление, что царица, что-то о нем знает и, возможно, она знает не меньше, чем он. А может...?

Да нет, откуда у девчонки, пусть и божественной, какие-либо знания о структуре времени-пространства. Хотя эта девчонка наделена довольно-таки острым умом, вон как быстро она его просчитала, а ведь он думал, что об этом здесь никто не догадается во век. Более того он считал, что в это никто и не поверит, даже если он сам расскажет. А эта, мало того что поверила, и как-то очень быстро, так еще и сама о многом догадалась. Вот тебе и неграмотная девица на несколько тысячелетий более близкая к дикарям.

Ха! а кто ж это решил, что неграмотная?

Кто-кто! да, сам ты, как обычно и решил! А она для своего времени получила прекрасное образование. Великие гении древности не становятся глупей из-за этой самой древности. Возможно, что по остроте ума они последователей превосходят, ибо у них отсутствовали предшественники, и мир они постигали собственной силой мысли. Пусть царица не знает о кварках, интегралах и коллапсах, о них, кстати, и в твоё время мало кто знает, а большинство обходится простым природным инстинктом – хватать и жрать, она, может случиться так, намного больше знает о человеке и его душе, поскольку много ближе к истоку человечества. Впрочем, не о душе, – по её-то вере душ у человека много и не доказано и до сих пор, что все это не так. И вера её намного глубже, тоньше и изящней будущего дуалистического примитивизма

грядущих поколений.

– Ваше величество, – произнес он вслух, – царица, не надо этого делать. Зачем тебе вся эта жуть?

– Кто бы ты ни был, – спокойно произнесла Нейтикерт, – бог, пришелец из завтрашнего дня или просто проходимец, – не смей мне более никогда давать советы, разве что я специально тебя попрошу. – с раздражением закончила она. – А теперь ответь мне, как ты собираешься вернуться в свой мир, если не помнишь дороги?

– Этого я не знаю, но надеюсь либо вспомнить дорогу, либо найти ее здесь. Впрочем, я не особенно тороплюсь.

Нейтикерт как-то необычно посмотрела на странника.

– И с этой целью ты шастаешь по гробницам?

– Ну разумеется! Не думаете же Вы, что в поисках сокровищ?

– А не боишься? «Смерть быстрыми шагами настигнет того кто потревожит покой мертвых». Слышал о таком?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.